

Екатерина Грицай

Наказание преступлением

Екатерина Грицай

Наказание преступлением

<https://litres.ru/74125762>

SelfPub; 2026

Аннотация

Существуют ли водяные? Нет, конечно. Каждый ребенок это знает. Нет их. Кроме одного. В своей реке, протекающей по небольшому современному городу, он спокойно пережил все эпохи перемен, чтобы оказаться в современном мире. Иногда он - огромный Сом, иногда - почти человек. И пусть местные жители считают, что они далеко ушли от своих дремучих необразованных предков, Водяной прекрасно знает, что они по-прежнему боятся чудовищ и темноты. Много лет он топил рыбаков, пугал детей и женщин, ему не было дела до людей и их чуждой ему природы. Но однажды на берегу его реки появился настоящий Монстр, который нес смерть...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Екатерина Грицай

Наказание преступлением

Глава

Посвящается моей маме Александре

Наказание преступлением

Широка и глубока,
Под мостом текла река.
Под корягой,
Под мостом
Жил в реке усатый сом.

...

А на берегу реки
Жили-были рыбаки.
В дождь и солнечные дни
Сети ставили они.¹

Лето, 1982 г.

¹ Михалков С.В. “Стихи и сказки” Государственное издательство детской литературы министерства просвещения РСФСР, Москва 1960.

Шел дождь. Серое скучное небо, казалось, вместе с дождем стирало с земли остатки красок. Стояла тишина, если не считать шуршания капель в густой листве. Один из придорожных кустов время от времени заметно подрагивал, сбрасывая с себя воду. Если бы случайный прохожий решил понаблюдать за этим кустом, то вскоре обнаружил бы, что в его ветвях кто-то прячется.

Двое молодых парней без отрыва следили за разбитой дорогой, петлявшей среди деревьев. Кривясь от попадающих на них дождевых брызг, они старались не шевелиться. Оба как будто чего-то ожидали. Один был одет в блеклую, выцветшую ветровку. Его спутник сжимал в руках конец толстой ржавой цепи. Цепь тянулась через дорогу и уходила куда-то в траву на противоположной стороне. Со стороны ее видно не было, так как по всей длине ее старательно замаскировали грязью.

Парни в кустах вдруг напряглись и еще пристальнее начали следить за дорогой. За поворотом, скрытым густым кустарником, донесся скрип. Сидевшие в засаде подобрались. Скрип слышался все отчетливее, и в какой-то момент сквозь него как будто стали различимы голоса. Оба замерли на секунду, будто в нерешительности.

Из-за поворота показался старый, дребезжащий велосипед. На нем, натужно крутя педали и с трудом удерживая равновесие на раскисшей дороге, ехал пожилой почтальон. Сумка с почти стершейся надписью «ПОЧТА» лежала в кор-

зине на руле, укрытая прозрачным пакетом.

Едва велосипед поравнялся с засадой в кустах, с дороги с громким лязгом взметнулась цепь, разбрызгивая вокруг себя грязь. Велосипед наехал на нее. Почтальон не успел среагировать, хотя ехал медленно. Мгновение спустя и он, и велосипед уже лежали на дороге. Сумка вывалилась из корзины и упала в лужу.

Оба парня выскочили на дорогу. В руках у них было оружие: у одного — разводной ключ, у другого — гвоздодер.

— Мужики! Вы чего?.. — это все, что успел проговорить почтальон, перед тем как нападающие проломили ему голову.

Тот день был днем выдачи пенсий. Однако местные старички и старушки так ее и не дождались. Быстро забили тревогу. Но что случилось с почтальоном, который проработал в местном отделении больше тридцати лет, так никто и не узнал. Не нашли ни денег, ни его самого, ни старенького велосипеда, на котором тот и разъезжал по городу все эти годы, изменяя ему только зимой, когда по снегу проехать было невозможно.

Версии выдвигались разные, даже самые фантастические, но только в одну не верил никто, даже правоохранительные органы. Никто не мог поверить, что Торопов присвоил себе деньги и сбежал. Только не он. Любой горожанин скорее заподозрил бы в этом родную мать, чем этого почтальона.

О том, что произошло, знали только Витек и Петька, на-

падавшие. Во всяком случае, они были в этом твердо убеждены. Но, как выяснилось позже, о происшествии знал еще один человек. Он оказался на том повороте дороги случайно и проследил за двумя мужчинами до конца — до того места, где они закопали тело несчастного почтальона. Человек сильно испугался и никому ничего не сказал... Но прошли годы, и он изменил свое мнение.

Этим человеком была Марина Козлова, восьми лет от роду. В тот день она без всякой цели бродила по лесу. Шел дождь. Девочка давно промочила ноги и замерзла, но домой не собиралась. Бродя среди мокрых деревьев, она мечтала о том, как вырастет и уедет отсюда. Навсегда. В какое-нибудь цивилизованное место. Ей даже представлялось, что это уже произошло.

Марина часто бродила по лесу — и всегда в одиночестве. Подруг у нее не было, поэтому именно она одна стала свидетелем произошедшего в тот день. Девочка пришла в лес рано утром, когда дождя еще не было. Но теперь, как ни хотелось ей остаться, голод и усталость взяли свое. Поглубже засунув руки в карманы куртки, которая давно стала короткой и узкой, она повернула в сторону дома. Марина побрела через лес, намереваясь выбраться на лесную дорогу, чтобы побыстрее дойти до города. Путь этот был очень старый, с ямами, и машины там давно не ездили. А вот местные часто использовали эту дорогу, чтобы быстрее пересечь лес.

Добравшись до размокшей дороги, Марина зашагала

вдоль обочины, стараясь обходить глубокие лужи, чтобы окончательно не убить кеды. Естественно, они промокли, но главное — чтобы теперь не порвались. И чего ради она пошла сегодня в лес?.. Сзади послышался какой-то звук. Судя по скрипу, кто-то ехал на велике. Козлова и не думала оглядываться, пока велосипедист не поравнялся с ней.

— Эй! Марин, привет! — на велосипеде сидел дядя Валя — почтальон. Поравнявшись с ней, он поехал медленнее.

— Здравствуйте, дядь Валь, — отозвалась она. Его знали все в округе. А Марина еще была знакома с его сыном Саввой — они ходили в одну школу. Правда, знакомство это нельзя было назвать приятным.

— Ты чего гуляешь-то в такую погоду?

— Да я уже домой иду.

— И правильно! А то простудишься! — с этими словами дядя Валя снова налег на педали и поехал вперед, обдав Марину напоследок грязью из-под заднего колеса. Девочка потащилась следом, как будто нехотя переставляя по грязи толстые, короткие ноги...

Когда из-за поворота донеслись грохот и вскрик, Марина вначале не обратила на это внимания. Но потом что-то заставило ее спрыгнуть с дороги. Здесь росла высоченная крапива, и в нее Козлова лезть уж точно не собиралась. Она просто пошла, буквально прижимаясь к зеленой кусачей стене, решив, что, судя по звукам, дядя Валя упал со своего велосипеда. Наверное, теперь придется ползать вместе с ним по

грязи, собирая из луж письма и газеты. Торопов часто выезжал на свой маршрут не совсем трезвым, и такое с ним уже случалось... Хотя, надо сказать, сейчас она ничего такого не унюхала.

Марина встала, как вкопанная, едва только повернула следом за дорогой. Впереди на дороге лежал старый велосипед. Переднее колесо еще вращалось. Выпотрошенная почтовая сумка валялась рядом. Письма и газеты утопали в грязи — в точности как Марина себе и представляла.

А над неподвижным телом почтальона стояли двое мужчин. В руках у них были какие-то железки. Тело на дороге странно подрагивало, будто через него пропускали электрический ток.

Девочка заставила себя перевести взгляд на тех двоих. Запоздалый страх и ужас начали затапливать ее сознание, мешая соображать. Она их знала. Обоих. И этот факт больше всего ужаснул ее. Козлова замерла, как статуя, наблюдая, как мужчины подобрали тело почтальона и поволокли в лес. Марину они не заметили, потому что она даже не шевелилась, просто стояла на месте, как деревья вокруг. Минуту спустя один из них вернулся на дорогу и забрал велосипед и сумку, куда затолкал все, что было разбросано на дороге.

Марина побрела следом, не рискуя подобраться к убийцам ближе и ориентируясь в основном по звуку.

Она сама не знала, зачем преследует их. Ведь следовало убраться отсюда, может быть, побежать в город и все расска-

зять.

Тело почтальона они закопали где-то в лесу. Велосипед выбросили в местную реку Сомовку — в то место, где был омут. Туда же швырнули и сумку, предварительно набив ее камнями.

Наблюдая за всем этим, Марина с ужасом осознавала происходящее. Она вспомнила, что сегодня начало месяца, когда почтальон развозит пенсии. Видимо, эти двое решили воспользоваться ситуацией. На месте Марины любой другой ребенок тут же побежал бы к старшим и все рассказал... Но только не она. Сынок почтальона Савва все время дразнил ее жирной дурой. А сам дядя Валя всегда с такой брезгливостью смотрел на нее, когда встречал... Хотя сам работал всего лишь простым почтальоном.

Завершив свое страшное дело, мужчины уже давно ушли из леса, а Марина все стояла, не шевелясь. Она прислушивалась, стараясь уловить звук крадущихся шагов. Но вокруг было тихо, если не считать дождевых капель, шуршащих в листве и траве.

Прошло минут двадцать, а девочка по-прежнему не шевелилась. Ей все слышался совсем рядом какой-то стук — быстрый, дробный. Наконец Марина поняла, что это стучат ее собственные зубы. Она не знала точно, от чего: от холода или от страха.

Из леса Марина в тот день вышла, когда уже начало смеркаться. Хотя, возможно, это было из-за плотной пелены до-

жда и серых до черноты туч.

Когда девочка подходила к своему подъезду, ее вдруг окликнули:

— Слышь! Козлова! Отца моего не видела?

Из окна в доме напротив выглядывал Савва Торопов. Вид у него был какой-то странный. Неужели уже хватились? В своих скитаниях по лесу Марина совершенно не следила за временем — что, впрочем, неудивительно, ведь часов у нее не было. В лесу она провела почти весь световой день.

— Нет, не видела.

Марина быстро нырнула в подъезд, пока младший Торопов еще чего-нибудь не спросил. В квартире девочка машинально посмотрела на настенные часы в прихожей. Те показывали почти восемь вечера. Марина замерла. Быть такого не могло! Несмотря на то, что она промокла, жутко замерзла и очень хотела есть, по квартире она прокралась как можно тише, надеясь, что мать не услышит, как она пришла, или по крайней мере не обратит внимания. Слишком припозднилась Марина, чтобы ее приход не вызвал никаких вопросов.

Девочку не покидало ощущение, что сейчас любой человек при взгляде на нее крикнет: «Виновна!». Именно так Марина себя и чувствовала — будто это она сама своими руками проломила голову почтальону, а потом помогала его закапывать. Стыд сжигал ее изнутри. Хорошие девочки так не поступают. Они бегут в милицию и все-все там рассказывают. Марина тоже порывалась так сделать... Несколько

раз порывалась. Но потом у нее перед глазами вставало лицо Саввы Торопова, обзывающего ее...

Пробравшись в свою комнату, Марина переоделась и забила в угол дивана, отчаянно боясь. Ей казалось, что напавшие на почтальона придут и за ней. Непременно придут. Они же ее видели. Не могли не видеть. Между ними было лишь несколько шагов. Они просто сделали вид, что не заметили. Чтобы усыпить бдительность...

Но вечно так она сидеть не могла. Через некоторое время страх притупился, бояться просто надоело. Тогда Марина тяжело слезла с дивана, подошла к письменному столу и начала рыться в нем. Вскоре она достала оттуда толстую общую тетрадь, облепленную переводными картинками, нашла пишущую ручку, перевернула несколько страниц и принялась быстро писать в тетради. Корявые буквы, налезавшие друг на друга, заполняли листы, а она все писала и писала.

Марина давно убедилась: если что-то случается, главное — не докладывать об этом взрослым. А то будет только хуже. Но поделиться своими наблюдениями все-таки хотелось — для этого девочка и вела дневник.

Взрослым Марина так ничего и не рассказала. Искали Валентина Торопова долго, участковый даже вычислил место, где на него предположительно напали. Правильно вычислил. А Козлова так и молчала. Много лет молчала. Только писала в своем дневнике. Она там про все писала.

Ее записи заинтересовали бы тогдашнюю милицию — о

многих преступлений и преступниках она знала больше, чем можно было предположить. Марина от рождения была весьма наблюдательна, при этом ее особо никто не замечал и не принимал всерьез, и свои наблюдения она проводила незаметно. Она описывала все, что видела, все, о чем мечтала. Никаких рассуждений не было в ее тетради. Одна эпоха сменяла другую, шли годы, а она все писала и писала. До тех пор, пока не кончилась тетрадь.

Дневник она прятала в самой глубине нижнего ящика — там хранились старые рисунки, и мать туда никогда не заглядывала. В один прекрасный (или не очень) день, достав всю в наклейках тетрадь, Марина открыла последнюю, почти заполненную страницу и написала: «10 сентября 1991. Я решила, что убегу в Америку». Больше она не оставила ни единой строчки, как будто навсегда потеряла к этому занятию интерес. Но время все равно шло. Просто — без всяких записей.

Прошло всего несколько месяцев. И ей было бы о чем написать...

1992 г., июнь

Над спящими домами разливала свой серебряный свет полная луна. Ветра не было, ласковое молодое лето превратило все вокруг в райские кущи. В деревьях выводили свои переливчатые песни соловьи. Но в их витиеватые коленца

вплеталась другая мелодия — над городом звучала громкая музыка, нарушая идиллию ясной июньской ночи.

Это была ночь выпускного бала в местной школе, и несусветные звуки доносились оттуда. Обычно пустынное и темное по ночам, сегодня школьное здание светилось и гудело от музыки и веселящихся выпускников.

Шел первый час ночи, когда одно из окон на первом этаже школы распахнулось. Оттуда показалась одинокая фигура, на пару мгновений будто зависшая над землей. В лунном свете можно было разглядеть растрепанную прическу и дешевое платье. Девушка, поколебавшись, прыгнула на землю. Хотя окна первого этажа были расположены совсем низко, прыгнула она не слишком удачно. Не успев подхватить подол, девушка порвала платье, зацепившись им за что-то на раме окна.

На углу школы, метрах в двадцати от того места, где она выпрыгнула из окна, стояли несколько нарядно одетых девушек и курили. Одна из них обернулась на шум, но почти сразу вернулась к прерванному разговору.

— Кто там еще, Анька?

— Да это Козлиха. Сбежать решила.

Они рассмеялись и сразу же забыли об этом.

Беглянка тем временем не обратила внимания ни на порванное платье, ни на смех бывших одноклассниц. Хотя все равно отметила, что смеялись они, как всегда, над ней. Поднявшись с земли, она отряхнулась и пошла прочь от школы,

сотрясаясь от рыданий. Плакала она беззвучно, заглушаемая музыкой из школы.

Девушка так ни разу и не обернулась, пока проходила через школьный двор. Минуя спортивную площадку, она вышла через распахнутые ворота школы — никто не знал, зачем они вообще там были, ведь их ни разу за всю историю школы не закрывали.

Кроме курящих, ее побег никто не заметил. Музыка и смех в школе не стихали до рассвета. Она шла все дальше и дальше, в сторону черной стены леса за домами, навсегда удаляясь от школы.

Для Марины Козловой выпускной бал был сплошным расстройством. Еще до его начала она знала, что даже заморыш Чирков в огромных очках, закрывавших половину его костлявого лица, ни за что не пригласит ее на танец. Девчонки это понимали и не собирались упускать случая напомнить ей об этом. Марина не хотела туда идти, но мать заставила. Как всегда и делала.

Все получилось куда хуже, чем она предполагала. Пока шла официальная часть, все еще держали себя в рамках, но когда началась дискотека, а роняющие притворные слезы учителя ушли, для ее одноклассников началось настоящее веселье. Из тайника в спортивном зале парни вытащили водку, портвейн — и пошло-поехало.

В общем, Марина сбежала оттуда через окно туалета на

первом этаже. Ее не били и вообще даже не трогали, но извели насмешками так, что терпеть она больше не могла.

Плача, она неуклюже прыгнула с подоконника, порвала себе платье и испачкалась о землю на клумбе. Порча платья окончательно вывела ее из равновесия. Со школьного двора Марина уходила, рыдая, как маленькая девочка, размазывая по лицу дешевую, вызывающе яркую косметику.

Сначала она даже не обращала внимания, куда идет. В ушах все еще звенело от музыки. Мимо ползли темные силуэты зданий у дороги, освещаемые только луной да редкими фонарями. Лишь через полчаса, в который раз споткнувшись, она сбавила шаг и, наконец, остановилась.

Луна сияла, превращая мир в черно-белое кино. Слева в домах не светило ни одного окна — там все спали. Справа блестела и переливалась речка Сомовка — буквально в десяти метрах от Марины. Она замерла, замороженная окружившей ее красотой.

Слезы высохли. Звон в ушах стихал, стали слышны другие звуки. Сверчок. Какая-то птичка — кажется, соловей. Шуршание под деревьями в траве — наверное, там пробирался к воде маленький зверек.

В реке что-то плеснуло. Может, щука? Марина всмотрелась в воду. Потом подошла к самому краю берега. Постояв пару минут, она поняла, наконец, где очутилась — недалеко от брода у Сомова Провала.

Можно было вернуться к мосту, но... Марина задумалась.

Она так и не успокоилась после этого дурацкого выпускного бала. И являться к матери, которая наверняка не спит и тут же потребует отчета, совсем не хотелось. А раз так, стоило где-то отсидеться.

Отсидеться Марина решила у Сомовки — единственной речки, что протекала через городок. Сомы там и правда водились. И лещи, и щуки, и налимы. А все из-за небольшого участка в лесу, по которому эта река протекала. Там росли в основном ели, причем огромные, дряхлые, многим деревьям было больше ста лет.

В том месте вечно царил полумрак. Гулять туда не рвались, а те, кто осмеливались, замечали между стволами странные фигуры. Высокие, в два-три человеческих роста, они были вытесаны когда-то из тех же елей, что стояли вокруг. Диковинные лица тарасились на пришельцев из-за деревьев, и в темноте ельника это наводило настоящую жуть.

Откуда взялись эти истуканы, не знал никто. Даже в местном краеведческом музее только руками разводили — никаких данных. Когда люди впервые тут поселились, эти статуи уже стояли. Они были такие старые, что казались сделанными из камня, а не из дерева, и стояли прямо, устремившись в небо и крепко держась за землю.

А вот деревья вокруг то и дело заваливались, и часто без видимых причин. Просто очередная ель вдруг издавала стон и падала, подминая под себя деревья поменьше, кусты и хи-

лый подлесок. Так продолжалось не один десяток лет. За это время в Сомовку упало уже немало стволов, превратив ее в том месте в царство омутов, перекатов и темноты — солнце практически не могло пробиться сквозь ели, обступавшие реку плотной стеной. Это место реки называли Сомов Провал.

Марина огляделась. Вокруг никого. В школе она немного выпила, поэтому теперь Сомов Провал ее совсем не пугал. Хотя обычно...

Обычно это место считалось... нехорошим.

С давних пор это была заповедная земля охотников и рыболовов — больше живности невозможно было найти нигде. Но не каждый осмеливался охотиться там. Место было недоброе. Охотники нередко стреляли друг в друга, уверенные, что целятся в дичь, и в капканы попадали.

А рыбаки тонули в реке. Любой житель городка знал немало историй, как находили в том месте Сомовки лодки с удочками и прочими вещами, но только без рыбаков. Их обнаруживали потом, ниже по течению. Многих к тому времени объедали рыбы. Тела других были так переломаны, что, казалось, те прыгнули с Ниагарского водопада или попали в пасть крокодилу. Дети пугали друг друга историями о Провале. Мальчишки на спор переплывали его, и не всегда благополучно. Говорили, будто со дна поднималось вдруг течение и утаскивало вниз всякого, кто попадал в него.

Марина хихикнула и бодро двинулась в самую гущу еловых лап, кое-где просвеченных луной.

Она шла под елями, любовалась рекой и думала, что можно тут и утра дожждаться. Когда она была маленькой, сосед дядя Коля Белкин часто брал ее сюда на рыбалку, и Марина немало встретила тут рассветов...

За какое-то мгновение перед ней будто промелькнули все эти утренние туманы, стального цвета вода, следы клином от уводимого рыбой поплавок, звенящая тишина, плывущие по реке осенние листья...

Марина дошла до места, откуда открывался вид на огромный завал гниющих деревьев — тот самый Сомов Провал. Там она уселась на лежащем в траве стволе упавшего дерева. В воздухе приятно пахло хвоей и чем-то сладким, вода плескалась у самых ног. При желании можно было различить и другие запахи — мертвых растений, разлагающихся в воде, застоявшейся воды, тухлой рыбы... Но Марина не приняла и ничего этого не почувствовала. Она радовалась, любясь картиной, что нарисовали ей луна и ночная природа. Мертвенный свет луны сделал ее грязное от потекшей туши лицо прекрасным и таинственным, а тени деревьев превратили рваное платье в настоящий королевский наряд.

В реке снова плеснула вода. Рыбак в ее душе встрепенулся: какая крупная! Марина внимательнее всмотрелась в воду. Показалось, в темноте что-то мелькнуло. Она еще раз присмотрелась. Никого. В чаще ухнула сова. Далеко-дале-

ко, на границе слышимости, раздавалась музыка. Видимо, из школы...

— Привет.

Голос прозвучал так неожиданно, что Марина едва не сорвалась с поваленного ствола, на котором сидела, и еле сдержала крик. Прямо перед ней — можно рукой дотянуться — сидел парень. Он улыбался и, казалось, сошел со страниц какой-то сказки. Высокий, стройный, с длинными волосами, отливавшими почему-то зеленым. Глаза его сверкали в темноте, чем напомнили Марине соседского кота Степку. Незнакомец был абсолютно голый.

— П-привет, — Марина смутилась от его наготы, не зная, что делать. Может, отвернуться? Но парень, казалось, был совсем не смущен.

— Как тебя зовут?

— Марина. А почему ты голый?

— Я только что вылез из воды. Хочешь искупаться?

— Нет... — ей вдруг отчаянно захотелось погрузиться в эту сверкающую воду, — мне домой пора.

— Вода замечательная, — парень улыбнулся и коснулся ее руки, — а я тебя тут часто видел раньше. Ты с дядечкой каким-то тут рыбу ловила. Почему ты так давно не приходила?

— Это... Это наш сосед... дядя Коля. Он меня на рыбалку брал в детстве, — Марина даже не поняла, когда успела снять платье, натиравшие всю дорогу туфли и шагнула к воде. —

А почему я тебя раньше не видела здесь?

— А я прятался. Но всегда хотел с тобой познакомиться.

Она последовала за ним в прохладную воду.

— А как тебя зовут?

— Меня? — парень засмеялся, не переставая смотреть на нее. Она буквально тонула в его глазах. — Ну зови меня... какое имя тебе нравится?

— Юра.

— Юра? Пускай будет Юра. А тебя зовут Марина! Не удивляйся, я просто слышал, как дядя Коля тебя звал...

Утро было прекрасное — тихое, без ветра. В момент восхода солнце не загораживала ни единая тучка.

Сквозь золотой туман раннего утра к реке шел рыбак. В одной руке он нес удочки, в другой — ведро, явно рассчитывая на хороший улов. За спиной у него висел рюкзак. Звали его Игнат.

Он любил рыбачить с утра. Больше всего — из-за тишины и покоя у реки, где можно помечтать, подумать, и никто не третировал его расспросами... Игнат скривился, вспомнив болтливую жену, которая сразу начинала злиться, если он не отвечал хоть на одно из ее многочисленных замечаний. Нет, тишина человеку просто необходима.

Земля под ногами пошла под уклон — Игнат добрался до спуска к Сомовке. Путь рыбак держал к камышам — там было его любимое место. Вдруг впереди послышался шорох

травы — как будто кто-то шел. Игнат остановился и прислушался. Он терпеть не мог компанию в таком глубоко личном деле, как ловля рыбы. Если в камышах уже кто-то обосновался, лучше пойти в другое место. Сквозь туман впереди замаячила чья-то фигура. Игнат пригляделся и усмехнулся. Какая-то толстая девка.

Она шла, покачиваясь и постоянно всплескивая руками, чтобы не упасть. В голове у Игната мелькнуло воспоминание: ночью ведь был выпускной бал. Небось, она оттуда и идет... Хотя нет, поправил он себя, школа-то с другой стороны, а девица идет от Сомова Провала.

Волосы с намеком на остатки неумелой химической заливки торчали во все стороны. Мятое грязное платье сидело на девке криво, явно надевали его в последний раз не перед зеркалом. А лицо раскрашено косметикой так, как не снилось ни одной валютной проститутке.

Игнат криво ухмыльнулся. Понятно. Свиданка.

— Здравствуйте! — она подскочила к нему и, широко улыбаясь, посмотрела прямо в глаза. — Такое чудесное утро сегодня, правда?

Игнат, вообще-то, не собирался отвечать. Всем известно, что болтать перед рыбалкой — плохая примета.

— А мне жених кольцо подарил! — теперь Игнат точно решил, что девка пьяная: глаза у нее были просто сумасшедшие. Он продолжал молчать, только улыбался, чтобы она не подумала, будто он враждебно настроен.

— Вот! Смотрите какое! — она не успокаивалась, протягивая ему руку. На одном из толстых пальцев с обгрызенными ногтями, неровно покрытыми розовым лаком, Игнат в самом деле увидел кольцо.

Сначала рыбак просто мельком посмотрел на него, но потом... взгляд Игната впился в кольцо. А ведь оно ему знакомо!

— Эй! Оно мое! — он сам не заметил, как потянулся за ним. Девка отдернула руку и отступила от него на шаг, перестав улыбаться.

— Кто... кто тебе его подарил?

— Водяной! — она вдруг странно и жутко расхохоталась и убежала. Игнат стоял, как столб, чуть не десять минут, не в состоянии ни на что решиться. Последний раз он видел это кольцо на пальце человека, которого буквально через минуту неизвестная сила утащила на дно Сомова Провала...

Со стороны реки послышался плеск. Игнат все еще стоял на том месте, где произошла эта странная встреча, и молча вглядывался в туман... Кто-то был там, у воды... Купальщик? Рановато. Скорее ухажер той девицы. Плеск повторился. Нет. Это не купальщик. Так шумит только очень крупная рыба... Почему-то Игнату стало страшно. Туман вдруг перестал быть золотым — солнце спряталось за тучу, хотя вроде с утра небо было чистое. Серые клочья впереди начали сплетаться в какую-то фигуру. Казалось, она поднималась из вод реки...

Игнат повернулся и зашагал обратно. За ним будто кто-то крался по траве. Поначалу он велел себе не бежать. Но все же ускорил шаг... Тот, кто следовал за ним, тоже будто ускорился...

Игнат прибавил шагу. Потом пустился неуклюжей рысью... А после понесся, словно лось, бросив по дороге и удочки, и ведро, и рюкзак. В какой-то момент его словно схватили за ногу. Игнат вскрикнул и стал вырываться, боясь даже случайно обернуться назад и увидеть, кто это был... Вырвался. И потом бежал всю дорогу до дома, не останавливаясь.

Уже позже он обнаружил, что штаны рваные, как будто за них ухватила крупная собака.

Это было последнее утро, когда Игнат ходил на рыбалку. Жена была счастлива: она никогда не поощряла это его увлечение, Сомов Провал внушал ей тревогу.

Марина, пока шла домой, слышала истошные крики старика, но ни разу не обернулась. Ей-то что? Ей хорошо. Да что там хорошо — просто замечательно! В голове ни единой мысли.

Подойдя к своему дому, она на мгновение остановилась. Судя по звукам, многие уже проснулись — из открытых окон доносились голоса, где-то передавали новости, слышалось свирепое шипение готовившегося на чьей-то сковородке завтрака... Марина принюхалась. Так и есть: кто-то жарит яичницу. Она вдруг почувствовала себя зверски голодной.

Мама не спала. Евгения Петровна Козлова после выпускного бала дождалась дочь только после восхода солнца, часов в восемь утра. Марина, напевая, прошла в комнату и легла спать. Никаких ожидаемых слез и истерик на тему «меня-никто-не-любит» — наоборот, Марина казалась абсолютно счастливой, улыбаясь даже во сне. Мать долго смотрела на спящую дочь, не веря своим глазам и начиная беспокоиться. И беспокоилась с тех пор много-много лет.

Весна, 2006 г.

За городской школой стояли трое четвероклассников и по очереди курили одну сигарету на всех, воровато оглядываясь. Двое стояли рядом друг с другом, третий — напротив них. Родители третьего школьника недавно переехали в город, и он только начал дружить с мальчишками из класса. Сразу нашлась общая тема — рыбалка. Теперь обсуждали, куда бы пойти порыбачить в выходные.

— Ты что, новичок?! — авторитетно спрашивал самый старший на вид из всех троих мальчик, с прищуром глядя на оппонента. — Сдурел?!

— А че такого-то?

— Туда опасно ходить, не знаешь, что ли?

— Ага, — поддакнул второй, — у старого моста только взрослые рыбачат, да и то не одни. Всегда по трое-четверо.

— Это почему? — вытаращил глаза новенький, предвку-

шая страшную историю.

— Ну вот и видно, что ты ни фига не в курсе, — важно приступил к рассказу старший. — Ничего не знаешь о Маньяке Сомова Провала.

— Это ты про что?

— Да уже несколько лет подряд в том месте, где ты рыбачить хотел, убийства совершаются.

— Врешь! — мальчишка надулся, всем своим видом показывая, что его на мякине не проведешь.

— Ха! Спроси кого хочешь! Люди постоянно пропадают, тонут, иногда их кто-то на куски разрывает... — вожак так затаился сигаретой, что невольно закашлялся.

— Да ладно, хватит гнать!

— Не, он правду говорит!

— Да чего ты его умоляешь, Серый? Пускай себе идет, а ему там череп и раскроют, как той женщине несколько лет назад...

Эффект был достигнут. Новенький смотрел на них, не отрываясь.

— Раскроили череп?

— Ну да. А потом участкового задушили, который все это расследовал. На том же самом месте. А до этого...

— Врешь ты все, — как заклинание повторил новичок, но голос его звучал неуверенно.

— Мне, например, гулять не разрешают допоздна из-за этого маньяка. Я бы рад соврать. Да только не вру я, салага.

— Прекрати меня так называть.

Старший не обратил ни малейшего внимания на этот протест, продолжая рассказ:

— А все идет из того места. Если ты не совсем трус, то можешь днем зайти туда, в чащу, и посмотреть. Там среди деревьев стоят древние идолы — это им маньяк жертвы приносит. Они вокруг небольшой поляны у самой реки стоят — на этой поляне всех и убивали. А рядом старый мост. Вот рядом с ним вверх и вниз по реке в основном и тонут люди... И пропадают. Даже мужики взрослые. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что здешний маньяк — не человек!

— Кончай врать!

— Ну как хочешь. Можешь мне не верить. Спроси у кого хочешь. Он оборотень. Днем человек, а ночью...

— Волк, что ли? Кончай из меня дебила делать! При чем тут оборотни?

— А ты и есть дебил, я смотрю. Оборотни не только в волков могут превращаться.

— А в кого еще?

— А в кого хочешь. В медведя, в лису, в рыбу...

— Знаешь что!?

Новичок с видом оскорбленного достоинства показал, что собирается уходить. Мальчишки не сделали никаких попыток его остановить. Поняв, что впечатление произвести не удалось, он вернулся обратно. Старший передал ему остав-

шийся окурок и продолжил:

— Вот спроси у кого хочешь. На жертвах то следы от топора и удавки, а то следы от клыков и когтей.

В этот момент мимо прошел парень-шестиклассник. Худющий, коротко подстриженный, в больших очках в толстой оправе, со старым заштопанным рюкзаком и в куртке, которая ему была явно не по размеру.

Двое из компании при виде парня дружно закричали:

— Сы-ы-ын водяно-о-о-ого! Сы-ы-ын водяно-о-о-ого!

Парень прошел дальше, даже не обернувшись на их крик.

Старший рассмеялся и плюнул себе под ноги.

— А при чем тут сын водяного? — поинтересовался новичок.

— А не при чем. Его мать сама говорила, что он у нее от водяного. Чокнутая, понимаешь? Так что — чего обижаться-то? И знаешь что интересно? — старший сделал хитрое лицо.

— Что?

— Это его мать убили несколько лет назад у Сомова Провала.

— Врешь ты все!

— Ну чего ты заладил одно и то же, как попугай! Пойди у кого хочешь спроси!

— Ага, — весело вклинился Серый, — хочешь, у водяного и спроси!

Оба захохотали, довольные шуткой, а новенький стоял с

бычком во рту, не смея даже раз вдохнуть запрещенный родителями дым и не зная — уйти или присоединиться к их смеху.

Тощий парень далеко от школы не ушел — не больше чем на сто метров. Если бы мальчишки, кутившие на заднем дворе школы, решили проследовать за ним, то стали бы свидетелями крупной драки.

Парень добрался до дороги, что отделяла школу от городского парка, пропустил груженный досками грузовик и вошел в парк. Издалека мальчишки могли бы увидеть, как к нему тут же подошла компания из ребят примерно его возраста. Говорили они всего несколько секунд, затем сразу завязалась драка. Парня били, но он сдаваться не собирался. Вся компания каталась по грязи на газоне, разбрызгивая вокруг жижу из талого снега, мокрой земли и накопившегося за зиму мусора.

Свара затянулась. Проходившие мимо с любопытством наблюдали за происходящим, но разнять ребят не пытались. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не какой-то старичок. Он гневно полез в самую гущу, воинственно размахивая палочкой и что-то выкрикивая. Дерущиеся сразу бросились в рассыпную. Нападавшие скрылись, а побитый вытащил свой рюкзак из грязи и направился в сторону скамейки, где и устроился с весьма хмурым видом.

В тот день в городском парке было особеннолюдно. Перед

этим постоянно шел дождь, было довольно холодно, и всем надоело отсиживаться дома. Теперь же, когда яркое весеннее солнце наконец-то воцарилось на голубом небосклоне, люди потянулись в парк.

На газоны никто не лез — там с зимы и после дождей было еще слишком мокро и полно мусора, а вот на аллеях яблоку негде было упасть. Дети катались на самокатах и велосипедах, слегка поскрипывающих от долгого зимнего простоя. По дорожкам, лавируя между прохожими, сновали парочки. Люди постарше, застелив облупленные скамейки газетами, разложили на них нарды и пиво.

Подравшийся перед этим хмурый подросток в очках сидел на скамейке и вяло пытался очистить рюкзак, хотя в чистке нуждалась вся его одежда. Он был весь в грязи — жирной черной грязи с газонов. Одна штанина рваная, косяшки грязных пальцев сбиты до крови. Звали его Николай Козлов.

Он сидел на лавке и мрачно наблюдал за мелюзгой, игравшей тут же, на старом, битом асфальте. Уроки в школе давно кончились, но домой идти не хотелось. Пашка со своими подпевалами наверняка опять караулит его около дома. И будет караулить до позднего вечера, прекрасно зная, что домой Коля все-таки придет. И вряд ли сильно опоздает, ведь тогда бабушка будет его ругать. Она очень волновалась за внука, а Кольке это только боком выходило. В школе и во дворе его не дразнили «маменькиным сынком» только потому, что он

был сиротой. Кроме бабушки у него никого не было.

Да, «маменькиным сынком» его не называли. Зато изводили «рыбой». А еще — «сыном водяного». И если уж по-честному, эти клички он вполне заслужил. Колька был длинный, тощий, как все подростки, и какой-то бескостный, словно резиновый. Кожа его была светлой, не поддающейся никакому загару и странно прозрачной. Тонкие, редкие, бесцветные волосы он стриг под самый короткий ежик, но все равно казалось, что он брил голову налысо. Блеклые глаза взирали на всех сквозь толстенные стекла очков. С такой внешностью Колька сам себе напоминал водяного и в мыслях вынужденно соглашался с зубоскалами.

Колина бабушка Евгения Петровна Козлова в самом деле испытывала беспокойство. Постоянно. А все из-за того, что случилось с ее дочерью, Мариной, много лет назад, почти сразу после Колиного рождения. Каждый раз, когда он попадался ей на глаза, она сразу вспоминала тот вечер, когда, на Марину напал неизвестный маньяк.

Вечер ничем не отличался от прочих. Разве что было душнее обычного — собиралась гроза. Марина тогда пошла на речку...

1993 Лето. Убийство

Марина в тот вечер ушла на Сомовку, с точки зрения ее

матери — на свидание. Как потом все вспоминали, погода тогда была неестественно тихая. Ни один листок не шевелился, а звуки, казалось, летели из одной части города в другую, не встречая препятствий. Солнце, весь день немилосердно палившее, садилось в желтую мглу, из которой доносился еле слышный рокот. Ночью ждали грозу.

Евгения Петровна поначалу особо не волновалась. Вечером уложила внука спать, а сама села смотреть телевизор. Да так и заснула перед ним, сморенная жарой и духотой. Проснулась она от оглушительно раската грома. Телек мигнул и погас. Как и лампочка в комнате.

Решив, что пора спать, раз света все равно нет, Козлова перед сном пошла проведать дочь и внука. И весьма удивилась: кровать Марины не разобрана, дочь явно еще не возвращалась. Несмотря на гром и грохот снаружи Коля спал. Евгения Петровна в сердцах обозвала Марину парой нехороших слов. Опять на нее ребенка бросила, а сама небось ночует со своим кобелем. Ждать дочь она не стала, просто ушла спать, уверенная, что та заявится на следующий день.

Всю ночь шел жуткий ливень и дул ураганный ветер. Непогода начала стихать лишь под утро. Евгения Петровна забеспокоилась. Время близилось к обеду, а Марины так и не было. Даже не позвонила. К вечеру она встревожилась уже по-настоящему и принялась обзванивать всех знакомых, у кого Марина могла быть. Безрезультатно. Она уже подумывала сама пойти искать дочь, как тут раздался звонок.

Звонил их сосед Николай Белкин, участковый милиции. То, что он сообщил, она сначала вовсе не восприняла. Слишком дикими показались эти слова.

Мальчишки решили неизвестно зачем пойти сразу после дождя к Сомову Провалу и нашли там труп женщины. Он выглядел так, что подростки кинулись обратно в город и неслись всю дорогу, не сбавляя скорости. Приехавший на место трагедии участковый Белкин едва удержался от того, чтобы не вывернуться наизнанку. Женщина была разделана на куски, словно каким-то зверем. Но он все равно узнал ее. Марина Козлова. Дочь его соседки по дому. Быстро взяв себя в руки, Белкин сразу позвонил Евгении Петровне.

На опознании с ней случился обморок. Вскрытие показало: с мужчиной Марина в тот день близко не зналась, а умерла от удара по голове. Видимо, кто-то пытался спрятать тело, разрубив на куски топором или чем-то похожим. Но почему-то не закончил дело и даже не скинул труп в воду — хотя до нее было не больше десяти метров.

Расследование не дало результатов — никто ничего не видел и не знал. Марина была не тем человеком, про которого можно много рассказать. Родила без мужа сразу после школы, сидела на шее у своей матери вместе с ребенком. Друзей не было, поклонников — тем более, с ее ничем не примечательным лицом и двадцатью килограммами лишнего веса. Подрабатывала уборщицей.

Но Белкин все равно копал. Из-за Евгении Петровны...

Жени. Когда-то давно он был в нее влюблен. Конечно, она не дала ему ни единого шанса, предпочла тогдашнего старосту класса и школьного заводилу. Тот потом быстро спился. Белкин тогда подумал: может, у него появился шанс. Но нет. Женя так ни разу и не посмотрела в его сторону. Хотя замуж второй раз не вышла. А Марина назвала своего сына так же, как и его — Коля. За одно это Белкин решил довести дело до конца, во что бы то ни стало.

На это расследование он положил несколько лет. Сослуживцы говорили, что он убьет себя, так надсаждаясь над «висяком». Но Белкин все равно не отступил.

2006 г. Весна. Апрель

Задумавшись о Белкине и о разных других людях и вещах, Коля Козлов даже не заметил, что прошло немало времени, и он уже не один. На его скамейку кто-то тяжело опустился. Повернув голову, Коля без восторга узнал Сергея Рыкова — все его называли просто по фамилии. Рыков работал то там, то тут, ничем особенно не занимался, снимал угол в частном секторе и большую часть свободного времени слонялся по городу или рыбачил. Ходили слухи, что он скрывается в их городе от призыва. Рядом с Рыковым Коля заметил удочку и небольшой рюкзак — видимо, тот собирался на реку.

— О! Сынок водяного! Привет, Рыба!

Коля промолчал, надеясь, что Рыков заметит кого-нибудь

еще, к кому можно прицепиться. Но цепляться было не к кому.

— Ну чего притих, а? Рыба! Я с тобой разговариваю! Оглох?!

Даже со своего места Коля чувствовал стойкий запах перегара, распространяемый Рыковым. Он встал, собираясь уходить, но сильный тычок в бок свалил его с ног. Рыков заржал, довольный своей ловкостью. Проходивший мимо мужчина старательно сделал вид, что ничего не заметил.

— А ты невоспитанный, Рыба! Не в курсе, что ли?! Когда приличные люди к тебе обращаются, надо отвечать! Твоя бабка тебе не объясняла, что ли?

— Приличным — я отвечаю.

— О! Еще и грубишь!

Колю как будто что-то накрыло. Занесенную для очередного тычка руку он перехватил своей пятерней и сжал со всей силы. В глазах потемнело...

Мгновение спустя он очнулся от жуткого визга. Это Рыков визжал и извивался, пытаясь вырвать свою руку из Колиного захвата.

— Отвали! Гад! — Рыков плакал, а Коля все не мог понять, чего тот так орет. Наконец Рыков извернулся и со всего маха, не смягчая удар, заехал ему кулаком по лицу. Потом еще раз. И еще. Только с третьего удара Рыков смог вырваться из ослабевших пальцев Коли. Тот, пошатываясь, отошел на пару шагов. В пыль у его ног закапала кровь с разбито-

го лица — Рыков буквально впечатал в него очки. Оба стекла были разбиты. Отодрав от носа оправу, Коля отбросил ее прочь.

— Псих! — срывающимся на фальцет голосом кричал Рыков, прижимая к себе руку. — Ты у меня попляшешь! Ублюдок!

Колю опять что-то накрыло. Страх пропал. Он подошел к Рыкову и спросил:

— А как я попляшу?

— Я тебя в землю закопаю! Задушу! Утоплю!

— Да? — Коля сам не понял, как хищно вдруг улыбнулся.

— А может, это ТЕБЯ утопить?

— Что?! — Рыков подошел к нему вплотную. — Ты что сейчас сказал, выродок?!

— ТЕБЯ утопить, — четко, как на уроке, ответил ему Коля. — Вот своему отцу скажу, и он ТЕБЯ утопит...

Рыков почему-то промолчал. И бить его больше не стал. Он странно посмотрел на Козлова, молча подобрал удочку и рюкзак и, поминутно оглядываясь, пошел прочь.

Коля поднял остатки очков. Может, хоть оправка еще сгодится? Домой он решил пойти длинной дорогой, вдоль реки — там заодно можно было умыться после драки.

Сомовка делила их город на две части. В более старой находился частный сектор, почта, краеведческий музей, детский сад, а также самый старый квартал четырехэтажек. В новой части стояли девятиэтажки, администрация, торговый

центр, банк, рынок и школа. Коля с бабушкой жили как раз в одном из древних четырехэтажных домов. Можно было пройти по недавно построенному мосту почти рядом со школой, а потом миновать пару кварталов вглубь города и добраться до дома, или же пройти вдоль реки и перебраться через нее по очень старому мосту почти у Сомова Провала — там река делала петлю и подходила почти к Колиному дому. Он выбрал второе.

Ему нравилась река, вообще нравилась вода в любых видах. Сомов Провал никогда не пугал Колю в отличие от остальных. Пашка Громов, например, хоть и играл там, но после темноты, как и все, старался держаться от этого места подальше. А вот Коле бабушка с определенного возраста не запрещала там играть, проявляя странное равнодушие к тому, что в тех местах несколько лет назад бродил убийца, а может, и до сих пор бродит.

Говорили, что в этом водяном буреломе живет гигантский сом, которому несколько сотен лет, а весит он, наверное, килограммов четыреста. Глубоко в душе многие рыбаки в это верили и мечтали поймать его. Иногда они решались на такую попытку, но о результатах своих стараний помалкивали.

Про того сома вообще много чего рассказывали.

Например, что пасть его, кроме собственных зубов, вся утыкана крючками с намотанными на них обрывками лесок — всем, что оставалось от многочисленных попыток поймать его. Правда, некоторые утверждали, что это не крючки

вовсе, а настоящие его зубы. Металлические...

Поговаривали, что питается он исключительно человеческой.

Старожилы уверяли, что и не рыба это вовсе, а Водяной. А Сомов Провал — его обиталище. В городе до сих пор жило несколько чудаковатых стариков, которые, по слухам, приносили Водяному в жертву черных котов — чтобы людей не топил. Даже если это было правдой, Водяному, видимо, не особо нравилась кошатина, так как люди тонули в Сомовке довольно часто.

Все в городе знали, что самое опасное место — это большая мель неподалеку от старого моста. Именно там, по слухам, тот самый Сом грелся на солнышке и дожидался какого-нибудь глупого купальщика, который решится подплыть и посмотреть, что там лежит, словно бревно. Говорили, что нескольких человек он так утащил. Эта рыбина могла справиться и со взрослым мужчиной, так как была очень тяжелая и без труда могла удерживать на дне кого угодно.

Глядя на воду, Коля вспомнил, как впервые решил поймать местную легенду.

Ему было около семи лет. Дядя Коля Белкин к тому времени уже несколько раз брал его на рыбалку, и Колюня считал себя профессионалом. Захватив свою маленькую удочку, он направился к реке, уверенный, что уже к обеду поймает рыбину...

...Шагая вдоль реки, Колька внимательно осматривал берега, пытаясь прикинуть, где лучше поджидать сома.

— Пацан, ты что здесь ищешь? Потерял что-нибудь? — Коля резко обернулся, услышав голос словно из ниоткуда. На торчащей из воды большой коряге метрах в двух от берега сидел мужчина. Видимо, он купался, так как сидел по пояс в воде, а волосы его были мокрые.

— Я... Присматриваю место для рыбалки.

Незнакомец улыбнулся. И такой располагающей была эта улыбка, что Коля совсем его не испугался.

— Ты рыбак? Похвально. Настоящее мужское занятие. А это у тебя... удочка? Кого ловить будешь?

— Я... Сомы.

— Сомы!? — казалось, незнакомец едва сдерживал себя, чтобы не расхохотаться. — На эту... Ну ладно. Тут плохое место.

— Почему?

— Глубоко. Ты с этой своей удой сюда даже не суйся. Иди выше по течению. Туда, знаешь, где камыш у берега. Вот там хорошее место.

Коля посмотрел, куда указывал мужчина. Там действительно виднелись заросли камышей. Он почти сразу повернулся обратно, намереваясь еще что-нибудь спросить, но, к его удивлению, в реке никого не было.

— Эй! — крикнул Коля. — Где вы?

Ему никто не ответил. Крикнув еще раз, он пошел домой.

Все его мысли были только о Соме. Вернее, о том моменте, когда он вытащит его на берег и все сбегутся посмотреть. Вот обзавидуется Пашка Громов!

Коля давно мечтал поймать ТОГО САМОГО сома — с тех пор, как ему, еще трехлетнему, сосед Белкин рассказывал про этого царя Сомовки. Бабушка долго не подпускала Колю близко к реке. По правде говоря, никто из взрослых не пускал туда своих детей. В четыре года он впервые убежал с детской площадки, куда бабушка привела его перед тем, как уйти в магазин. И прибежал к воде. Тогда Коля в первый раз увидел Сомы — тот лежал исполинским бревном в воде, подставив толстую спину солнцу. Коля молча стоял и смотрел на Сомы, а Сом смотрел на Колю — так ему казалось.

Сом давал о себе знать — с тех пор, как несколько веков назад на берегу безымянной тогда еще речки появилось первое небольшое поселение. Иногда он просто показывался людям, выплывая греться на отмелях, иногда утаскивал какое-нибудь животное, неосторожно зашедшее в воду. А иногда топил самих людей — о нескольких таких случаях любили рассказывать туристам в городском краеведческом музее. И ходили упорные, хотя и абсолютно бредовые слухи о том, что каждый раз Сом был один и тот же... Сходились во мнении, что ни одна рыбина не может жить так долго... кроме этой.

На этот раз Сом напал на рыбака. По слухам — на Громова, отца Пашки Громова. Колька терпеть не мог обоих, они

его — тоже. Про этого Громова вообще слухи ходили, что у него с Сомом особые отношения. Пашка теперь все время торчал на реке, пытаясь поймать отцова обидчика. А Кольке захотелось его обскакать — хоть в этом. Пашка вечно был впереди.

Коля решил посмотреть во всех подробностях, как выглядит сом. Дома он полез в шкаф. Там у бабушки хранились немногочисленные книги. И в их числе — весьма мудреная книжка, которую дядя Коля Белкин дал почитать еще его маме, когда та была маленькой. С тех пор книга так и стояла у них в шкафу. Сабанеев. У книги было длинное название, и под толстой картонной обложкой хранилась информация обо всех рыбах, которых только можно было выловить в пресной воде.

— Ты за чем полез? — в дверях показалась бабушка.

— За мамиными рыбами.

— Смотри, не порви.

— Я осторожно.

Бабушка секунду с сомнением смотрела на внука, будто раздумывала, не отнять ли у него книгу, но потом, видимо, что-то для себя решила и ушла на кухню, ничего больше не сказав.

Вооружившись полученными знаниями, Коля решил пойти на Сому.

Он уже не раз рыбачил и считал, что знает все о том, как ловить рыбу. Удить решил по темноте. Прослышав, что сомы

хорошо берут наживку дождливой летней ночью, он специально выбрал такое время. Накануне Коля нашел у помойки рядом с домом мертвого голубя. Положил его в пакет, взял удочку, стул с кухни и, убедившись, что бабушка спит, вышел из дома. Было тихо, если не считать шороха дождевых капель. Вокруг не было ни единого человека.

Коля направился к Сомову Провалу, светя себе под ноги фонариком. Дойдя до старого моста, он пошел вверх по течению, выискивая место, которое ему советовал незнакомец накануне. Там было мелко, рос камыш, а в камышах сомов видели часто. Установив фонарь так, чтобы он освещал разложенные вещи, Коля принялся привязывать мертвого голубя к крючку. На это потребовалось немало времени — из-за дождя. Голубь, крючок и леска были мокрые, да и рыбацкие узлы Коля еще не очень хорошо умел вязать. Потом, взяв приготовленную удочку, он протащил стул в воду и установил его на дно так, чтобы вода не заливала сиденье. Коля взгромоздился с ногами на стул, закинул удочку и стал ждать.

Время шло. Дождь не прекращался, но Коля не мерз — ночь стояла теплая. Свет фонаря вскоре потускнел, стал мигать, а потом и вовсе погас. Коля остался один в темноте. Он крепко сжимал удочку и сам себе удивлялся. Почему ему совсем не страшно? Казалось, прошла целая вечность.

Темнота вокруг начала сереть, становясь более прозрачной. Близился рассвет. Уже видно было поплавок. Коля стал

клевать носом, несколько раз встряхивался. Один раз чуть не упал со стула в воду, но успел удержаться на месте, еще крепче вцепился в удочку обеими руками и упрямо уставился на поплавок...

Вдруг леску резко повело в сторону. Коля едва успел перехватить удочку покрепче, как тут...

...Из воды восстал гигантский, неохватный столб. Стоя вертикально, сом предстал перед Колей во всех подробностях. Казалось, сом застыл во времени, прежде чем резко обрушиться страшным весом обратно в реку... Вал воды опрокинул и Колю, и стул, а удочку унес с собой. Кашляя и отплевываясь, Колька добрался до берега, путаясь в камышах. Ни удочки, ни стула он не нашел. Хорошо еще очки остались. Но Коля не думал о потерянных вещах. Перед глазами стояла картина: огромный, как ствол дерева, сом вырос перед ним, словно из ниоткуда. Пока Коля, дрожа от возбуждения, возвращался домой, пытаясь отжать полы рубашки, одна мысль не шла у него из головы: Сом про него знал. Он просто играл с Колей. Забавлялся.

Сом вообще все знал. Всех, кто приходил на реку плавать и играть. Всех, кто ловил рыбу. Всех, кто крался в обозначенную ночь к странным столбам в чаще, кто перешептывался у самого берега, всех, кого убили и утопили в реке... Всех, кто убивал и топил. Среди убитых был Белкин...

...В день своего убийства участковый Белкин пробирался

к берегу Сомовки окольными путями, по старой лесной дороге. Здесь много лет наза

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.